

Соколовские научные чтения – III

«Судьбы русского модернизма в XX веке»

Памяти профессора А.Г. Соколова

В разделе публикуются материалы конференции (филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, научно-исследовательская лаборатория «Русская литература в современном мире»; 24 октября 2013 г.).

In the published proceedings of the conference (the philological faculty of Lomonosov Moscow State University, research laboratory «Russian Literature in the Modern World», October 24, 2013).

I

И.Л. Анастасьева

Модернизм в латиноамериканской литературе

Аннотация: В статье автор рассматривает романы Ф. Андахази «Конкистадор» и «Город еретиков» в соотношении с концепцией русского модернизма и в сопоставлении с европейской культурной традицией.

Ключевые слова: Андахази, Леопольдо Сеа, Фрая Бернардино де Саагуна, Вл. Соловьев, Брюсов, Розанов, Минский, европейская цивилизация, Старый Свет и Новый Свет, мексиканские мифы, Христианство, латиноамериканский Ренессанс, модернизм, Серебряный век

Abstract: The author considers the novels of F. Andahazi «Conquistador» and «City of Heretics» in relation to the concept of Russian modernism and in relation to the European cultural tradition.

Key words: Andahazi, Leopoldo Zea, Fry Bernardino de Sahagun, VI. Soloviev, Brusov, Rozanov, Minsky, European civilization, the Old World and the New World, Mexican myths, Christianity, Latin American Renaissance, modernism, the Silver Age

«Модернизм в искусстве и эстетической теории, тесно связанный с общим движением буржуазной общественной мысли эпохи ее заката, дает себя знать прежде всего разрушительной ломкой классической традиции», – писал М.А. Лифшиц¹. Как известно, отход от традиции проявился на уровне и эстетическом, и этическом. На сегодняшний день существует значительное количество исследований специфических особенностей модернистской европейской культуры; вероятно, поэтому особый интерес представляет собой изучение процесса проникновения модернистской эстетики в поле менее изученное – в философию и литературу Латинской Америки.

«Латиноамериканский континент привлекает <...> внимание социальной науки и философии, так как то, что происходит там сейчас, можно назвать латиноамериканским Ренессансом»², – эти слова М. Колесова, сказанные в начале 1990-х гг., актуальны и сегодня. Собственно, Ренессансом, иначе говоря – Возрождением, этот процесс следует называть с некоторыми оговорками, ибо концепт латиноамериканской культуры представляет собой неоднородное понятие. По определению Леопольдо Сеа, мексиканского философа, одного из основоположников «философии латиноамериканской сущности»³, структуру латиноамериканской философии и культуры составляют два потока: европейский, т. е. «внешний», и латиноамериканский, т. е. «внутренний». Задача философа и культуролога сегодняшнего дня состоит в отказе от влияния внешних идей и концептов, а также в изучении собственной истории и в накоплении собственного философского опыта. Поскольку философия истории традиционно формулировала и концептуализировала европейскую точку зрения на будущее, то удаленные от Европы народы провозглашались либо маргинальными и периферийными, либо наследующими европейский философский набор понятий и дискурсов. Иначе говоря, латиноамериканская культура детерминирована как вторичная, вынужденная повторять путь, пройденный европейской цивилизацией. Поиску самоидентификации, разрушению традиции в определении места латиноамериканской культуры по отношению к европейской посвящен, как нам кажется, роман Федерико Андахазы «Конкистадор».

Эпиграфом к роману автор взял следующие слова Фрая Бернардино де Саагуна: «Мексиканский народ этот нелегко оценить по достоинству, ибо так побили и порушили их самих и их дома, что теперь уж ничего от прежнего не осталось. И вот почитают их варварами, людьми цены ничтожной, а по правде, они в государственном устройстве превосходили многие народы»⁴.

¹ Лифшиц М.А. Мифология древняя и современная. М.: Искусство, 1979. С. 474.

² Колесов М.С. Философия и культура Латинской Америки / Симферопольский государственный университет. Симферополь, 1991. С.3.

³ См.: Сеа (Zea) Л. Философия американской истории. Судьбы Латинской Америки. М., 1984.

⁴ Андахазы Ф. Конкистадор. СПб.; М., 2008. С. 12 (здесь и далее страницы указываются по этому изданию).

В основе сюжета лежит история героя по имени Кетца, совершившего путешествие из Америки в Европу прежде Колумба, открывшего дорогу в Новый Свет, ибо Старый Свет (древняя культура, древняя метрополия, по Андахазу) – это земля ацтеков. Роман не претендует на то, чтобы называться историческим, во всяком случае аргентинский писатель не считал его таковым. «Я не ставлю себе задачей сделать что-то большее, чем просто рассказать о приключениях. Я считаю, что это приключенческий роман, а не исторический <...>, и меня не слишком интересует, на какой стороне Атлантики его будут читать»¹, – признавался Андахазу в одном из своих интервью, представляя книгу испанским читателям. В другой раз он скажет еще более откровенно: «Я не принадлежу к писателям, обращающимся к историческим фактам для того, чтобы поведать правду. Я творю художественное произведение, и если для этого мне необходимо исказить историю, я это делаю. <...> [Литература] – это хорошо рассказанная ложь <...>. Я не пытаюсь переписать историю. Моя цель – писать неконкретно. Исторический факт позволяет мне углубиться в вымысел <...>. Как сказал Бодлер, манускрипт – это то, что написано заново»². Вместе с тем известно, что Андахаз потратил много времени, изучая историю ацтеков и культуру этой исчезнувшей цивилизации, работая над романом.

Кетца имеет некоторое родство с мифологическим героем Кецалькоатлем, «Пернатый Змеем», история жизни которого поведана в древнемексиканских легендах и преданиях. Это весьма почитаемое индейское божество могло быть не кем иным, как европейцем (он бледнокожий, бородатый), сумевшим добраться до американского континента задолго до испанцев. Впрочем, как убедительно доказывает советский археолог и историк Валерий Гуляев, «нигде, кроме позднейших (XVI–XVII вв.) писаний испанских хронистов и монахов, нет данных о том, что этот бог имел светлые волосы, белую кожу и необычайно высокий рост»³. Вероятно, испанские священники и монахи, взяв на вооружение некоторые предания индейцев, стали трактовать миф о Кецалькоатле в выгодном для них свете, причисляя его то к рангу монаха-мученика, бежавшего из Европы и несшего просвещение и гуманные законы в среду индейцев, то даже выдвигали самую необычайную версию,

¹ «No me propongo otra cosa más que contar una aventura. Creo que es un libro de aventuras, no una novela histórica <...> y no interesa demasiado desde qué lado del océano Atlántico está narrado». Federico Andahazi presenta en España a Quetzal, el azteca que descubrió Europa // EFE. Madrid. 18.09.2007 (пер. Марии Ульяновой. – И.А.).

² «I'm not a writer interested on history as a way to reach the truth. My novels are not historical ones. I try to set my Literature in fiction, and if I have to change history to write my literature, I do it. <...> It's a lie well told. <...> I do not try to rebuild reality. My goal is to write to blur. <...> That historical fact gave me the opportunity of going deeper in fiction. <...> As Baudelaire said: a manuscript that it's written again. Rodrigo Arias. Federico Andahazi //

http://www.andahazi.com/en_prensa_uolsinectis.html (перевод мой. – И.А.).

³ Гуляев В.И. Сколько раз открывали Америку. М.: Знание, 1978. С. 26.

будто Кецалькоатль – сам Иисус Христос, прибывший в Америку вместе с учениками сразу после воскрешения.

Сюжет, объединяющий все легенды об этом герое, – рассказ о его отплытии и обещании вернуться с Востока. Это обстоятельство дало завоевателям возможность легко победить Монтесуму, который увидел в белых бородатых конкистадорах вернувшееся воскресшее божество. На вопрос, что означает имя Кетца, Андахазти ответил: «Воскресший»¹. И это имя можно трактовать двояко. Не хочет ли автор связать воедино образы Кецалькоатля и Кетцы? Когда-то его, больного двухлетнего маленького ребенка-сироту, должны были принести в жертву богу войны Уицилипочтли (тому самому, которого М. Булгаков назовет Вицилипуцли). «Сыновья Теночтитлана (город, в котором рос ребенок. – *И.А.*) относились к человеческим жертвоприношениям по-разному. Народ это был воинственный, поэтому большинство их все-таки одобряло; однако немало оставалось и тех, кто втайне почитал убийство людей делом отвратительным и отказывался пить кровь своих братьев» (стр. 17). Среди них был и мудрый старец Тепек, заступившийся за ребенка и сумевший хитростью вырвать его из рук жестокого жреца. Тепек почитал Кецалькоатля «верховным существом, противостоящим смерти и разрушению» (стр. 18) и был противником жестокости. Интересен портрет старика: его седые волосы можно при желании принять за светлые; к тому же у него длинный, горбатый, с внушительными ноздрями нос, говоривший о его древней тольтекской родословной. В некоторых мексиканских мифах, посвященных истории Кецалькоатля, этот легендарный герой наделялся таким же носом. Тепек заменил Кетце отца, воспитал его и не раз спасал ему жизнь. Ум и образование юноши снискали уважение среди мудрецов Совета старейшин. Он, безусловно, был талантлив: создал точный календарь, улучшил систему плотин и разводки мостов, проектировал корабли. Город Теночтитлан, как становится понятно читателю, ни в чем не уступал ни одному из крупных европейских городов того времени.

Кетца должен был обнаружить для себя и своих соотечественников новый мир. Познать его он, конкистадор, стремился с одной целью – не покорять, а открывать. «Кетца – это синтез различных европейских персонажей, открывателей с такими именами, как Колумб или Коперник, – скажет Андахазти. – Это человек эпохи Возрождения, который мыслит ясно и критически, борется против установившегося политического режима. Человек, который составляет географические карты раньше Коперника, который совершает кругосветное путешествие раньше, чем Магеллан»².

¹ ¿Qué significa Quetzal? Significa «El Resucitado» // <http://autorneto.com/literatura/resenas/el-conquistador/>

² «Quetzal es una síntesis de varios personajes europeos, de descubridores con nombre y apellidos como Colón o Copérnico. Es un hombre renacentista, con un espíritu luminoso y crítico, que lucha contra el poder político establecido. Un hombre que configura los mapas del cielo antes que Copérnico, el primero que deja constancia cartográfica de la geografía terrestre, antes que Toscanelli, y el primero en dar la vuelta al mundo, antes que Magallanes» (Federico Andahazi presenta en España a Quetzal, el

Герой очень боялся того, чтобы европейские мореплаватели не возжелали завоевать и подчинить себе его родину. В том, что ацтеки могли совершить столь сложное и опасное путешествие, Андахазы не сомневался. Импульсом к написанию романа, по признанию писателя, послужили фрески Диего Риверы, увиденные им в Мексике, на которых был изображен корабль с автохтонами, летящий по воздуху по направлению к Востоку.

Идея автора весьма прозрачна и прямолинейно сформулирована: читатель должен увидеть европейские страны глазами героя, как бы отстранившись от привычной европейской истории. Кетца становится свидетелем разгула инквизиции, особенно жестоко проявившей себя в Испании. Отраженная в историческом зеркале страна должна была, по замыслу художника, понять и признать, что испанская конкиста была жесточайшей в истории человеческих завоеваний. Всего сильнее герой был потрясен видом распятого Христа, которого он мог лицезреть на многочисленных крестах. В Европе, оказывается, также не брезгают жертвоприношениями; тот факт, что во время Евхаристии верующие пьют кровь Христа, превращает их в людоедов. Кетца не понимает также, почему христианство считается монотеистической религией, если, помимо Бога, существует множество изображений святых.

«Город еретиков», другой роман писателя, увидевший свет в 2005 г., принес автору скандальную известность, однако именно это произведение сам Андахазы назвал своим первым историческим романом. Мадридская газета *El País* не пожалела густых темных красок, чтобы оценить сюжет: «Жестокость, эротизм и критика Церкви, из которых соткана история любви, являются частью того, что вобрал в себя исторический роман “Город еретиков” Федерико Андахазы. Любовная связь между двумя праведниками во Франции XIV века позволяет автору “рассуждать на темы удовольствия и греха, власти и фанатизма, женоненавистничества Церкви на протяжении долгого времени”. В романе смешиваются вымышленная история любви и сюжет о происхождении плащаницы»¹. Герои Андахазы шокировали своей любовью многих аргентинских читателей, но ведь и В. Набоков когда-то усомнился в подлинности чувств и переживаний Сонечки и Раскольников. Сирин был возмущен тем, что разговоры на библейские темы ведут убийца и падшая женщина в романе Достоевского. Уверенный в том, что преступники не склонны к ведению философских и квазипсихологических разговоров, Набоков отказывал им в подлинности чувств.

В кризисные эпохи, как известно, возникает почва для переосмысления культурных ценностей, образуются противоречия и провалы внутри самой культуры. XX столетие, по мнению ряда философов, – это и есть «по-

azteca que descubrió Europa) / EFE. Madrid. 18.09.2007 (пер. Марии Ульяновой. – И.А.).

¹ Brutalidad, erotismo y críticas a la Iglesia envueltas en una historia de amor son parte de lo que se encuentra en la novela histórica *La ciudad de los herejes* (Planeta), de Federico Andahazi. La relación amorosa entre dos religiosos en el siglo XIV en Francia permite al autor «reflexionar sobre el placer y la culpa, sobre el poder y el fanatismo, y sobre la misoginia de la Iglesia a lo largo de los tiempos». *El País*. Madrid. 19.ENE.2006 (пер. Марии Ульяновой. – И.А.).

следний век Культуры и первый век переходного периода, который мы называем посткультурой»¹. Зарождение нового типа сознания, которое и станет, в конечном итоге, причиной возникновения посткультурных явлений, характерно для эпохи Возрождения, эмблематическими признаками которой были светский характер культуры, антропоцентризм и секулярное мировоззрение.

XXI в. унаследовал формы сознания, присущие европейской культуре в прежние эпохи; закономерно в связи с этим появились художественные и апокрифические произведения, давшие альтернативную оценку евангельским событиям и вызвавших неоднозначную общественную реакцию. Так, на рубеже XX–XXI столетий были опубликованы «Евангелие от Иуды», а также книга Ж. Сарамбо «Евангелие от Иисуса» (1991), содержащая откровенную критику христианской догматики. Чуть ранее роман Н. Казандзакиса «Последнее искушение» (1951) был внесен католической Церковью в Индекс запрещенных книг; «Город еретиков» и «Анатом» Ф. Андахази вызвали скандал своим эротизмом и провокационностью. Таким образом, процесс раскрепощения интеллектуального сознания привел к тому, что утверждение гуманистических ценностей стало возможным вне опоры на религиозную этику, более того – как отталкивание от тех нравственных постулатов, на которых зиждилась человеческая мораль два тысячелетия. Если религиозные философы рубежа XIX–XX вв. стремились познать человеческую ипостась Иисуса Христа, не вступая в конфликт с основополагающими церковными догмами, то писатели XX–XXI вв. часто пересматривали канон, не признавая его аксиом. Впрочем, Андахази признался, что с помощью литературы он пытался донести до читателя мысль о необходимости заглянуть внутрь себя, понять, что его каждодневные поступки имеют больше общего с установками и догмами, навязанными обществом, чем с истинными желаниями, с тем, что он хочет делать по своей воле. «Я убежден, что история – лучший способ передать настоящее, потому что она всегда означает и метафизизирует это настоящее»², – подчеркнул он.

Один из героев романа, монах Аурелио, наделен портретным сходством с Иисусом Христом. Д. Мережковский в своей книге «Иисус Неизвестный» уже ставил вопросы, наиболее сильно волновавшие человечество начиная с первых столетий христианства. Один из них – внешность Христа. Из Евангелий ничего не известно о том, как Он выглядел, Он лишен материальных черт. Писатель-философ пытается поднять завесу над жизнью Иисуса до крещения и начала проповеди. Ни синоптические Евангелия (от Матфея, от Марка, от Луки), ни Евангелие от Иоанна не описывают роста, лица, цвета волос Иисуса. Исследователи склонны объяснять это обстоятельство тем, что Новый Завет был со-

¹ Бычков В., Бычкова Л. XX век: предельные метаморфозы культуры // Полигнозис. М., 2002. №2. С. 63–76; №3. С. 67–85. См. также: http://www.philosophy.ru/library/bychkov/xx.html#_ftnref4 (05.05.2011).

² Estoy convencido de que la historia es la mejor herramienta para hablar del presente, porque siempre significa y metaforiza el presente.

здан не самими апостолами, а их учениками, которые не были свидетелями описанных событий и никогда не видели Учителя. «По-видимому, ни один из авторов не был современником Христа. Создание Евангелий растянулось во времени примерно так же, как и развитие христианской религиозной организации»¹, – пишет А. Зеркалов.

Корни преданий о красоте и безобразии Лица Господня, считает Мережковский, уходят в очень темное, но исторически подлинное воспоминание. Действительно, существуют антитетические легенды о внешнем облике Иисуса от обезображенности до сверхкрасоты. «Самое особенное, на другие человеческие лица не похожее, личное в лице Иисуса не есть ли именно то, что оно по ту сторону всех человеческих мер красоты и безобразия, несоизмеримо с нашей трехмерной эстетикой. Если так, то понятно, что видевшие Его уже не помнят, какое из двух пророчеств исполнилось в нем»², – замечал Ю. Терапиано.

Каков был облик Назаретянина, размышляет в романе Ф. Андахазы «Город еретиков» один из самых низменных по своим качествам персонажей Жоффруа де Шарни. «Дородный, безбородый, коротко стриженный мужчина с овцой на плечах»³, каким он изображен на фресках кладбища Св. Каликста? Византийский Христос – Pantocrator фресок церковей Св. Каталины в Синае? Или даже чернокожий Спаситель? Черты лица Христа необходимы графу для того, чтобы обогатиться, запечатлев его портрет на плащанице, которую он собирается сшить и выдать за подлинную Туринскую плащаницу. Обращение Андахазы к Новому Завету обусловлено его сознательным и резким неприятием канонической радиции. И все же это не суд над истинными христианами, это суд над фарисеями, почитающими себя высококонрастными людьми, и над самой Церковью, потакающей им.

В сознании дочери графа, красавицы Кристины, сформировался свой образ Христа, «гармоничный и просветленный» (стр. 29). В ее представлении он утонченный, милосердный и понимающий, ее чувство к нему сродни страсти. Подобно брюсовской Ренате, полюбившей Огненного Ангела Мадизеля, вочеловечившегося в образе графа Генриха фон Оттергейма, походившего белизной одежд, голубыми глазами и золотистыми кудрями на ангела, Кристина обрела жениха в молодом монахе Аурелио. Теологические построения Андахазы выйдут вполне проясненными: он признает не призрачный образ Христа, а Его человеческую ипостась. По сути, автор включается в полемику, начатую представителями неохристианства: она велась вокруг проблемы мистического восприятия реальности, идей Третьего Завета, Царства «сверхорганической материи», доступной эмпирическому познанию, фактически реабилитируя плоть. Но если религиозные мыслители говорили о трагедии разделения пола, пророчествуя будущее андрогин-

¹ Зеркалов А. Евангелие Михаила Булгакова. Ann Arbor: Ardis, 1984. С. 7–8.

² Терапиано Ю. Иисус Неизвестный // Числа. Париж, 1933. №9. С. 215–216.

³ Андахазы Ф. Город еретиков. СПб.; М., 2007. С. 219.

ное, «муже-женское» существование, то Андахази, вслед за В. Розановым, реабилитирует брак, семейный союз.

Теория эроса Вл. Соловьева, изложенная им в труде «Смысл любви» (1892–1894), отрицает семейный идеал как «прокреативный» в пользу андрогинного человека. Розановское «два в одном» проповедовало культ деторождения, что вызывало острые споры на заседаниях Религиозно-философских собраний. Н.М. Минский, в частности, заявлял: «Семья – это скверна и жестокость, деторождение – залог нашего несовершенства, единственная прекрасная и согласная с заветом Христа жизнь, – это целомудрие и девство»¹.

Позже в книге «Самопознание» Н. Бердяев, размышляя об общем спасении всего человечества для вечной жизни, повторит слова Мережковского о необходимости существования двух потоков любви, исходящих не только от Бога и человека, но и от человека к человеку: «Два движения есть в человеческом пути, движение по линии восходящей и движение по линии нисходящей. Человек подымается на высоту, восходит к Богу. На этом пути он приобретает духовную силу, он творит ценность. Но он вспоминает об оставшихся внизу, о духовно слабых, о лишенных возможности пользоваться высшими ценностями. И начинается путь нисхождения, чтобы помочь братьям своим, поделиться с ними духовными богатствами и ценностями, помочь их восхождению»². Если Мережковский полемизирует по вопросу любви с В. Розановым, утверждавшим, что «суть Евангелия – нуль пола», то Андахази подхватывает розановский тезис. Аурэлио поначалу борется со страстной чувственностью, пробудившейся в нем при встрече с Кристиной. «Супружеский союз – это наименьшее зло, но все равно зло» (стр. 23), – размышляет он, но все-таки признается себе в том, что мир, осененный любовью, должен строиться на любви. Если апостолы, продолжает он, порицали прокреативный идеал и приговорили, таким образом, человечество к вырождению, то лишь потому, что были уверены в близости Апокалипсиса, но поскольку конец «не имеет точно определенного срока», то никто не имеет права запрещать людям заниматься тем, что имеет непосредственное отношение к продолжению рода.

Андахази был уверен в том, что невозможно понять народ, если не понимаешь историю его сексуальной жизни: «Помню, как однажды поехал в Турцию на презентацию моих книг и купил одно издание на французском языке о сексуальной жизни в Османской империи, и я не совру, если скажу, что эта книга мне открыла глаза. Я понял множество аспектов мусульманской жизни, начиная с сексуального, хотя эта книга не была какой-то особенной. Благодаря истории сексуальной жизни османов я смог найти ответ на важные вопросы культуры мусульман. Потом я стал искать во всех аргентинских книжных магазинах и библиотеках и обнаружил, что нигде не было ничего про сексуальную историю аргентинцев, хотя мы и преисполнены гордостью,

¹ Минский Н.М. Прения на заседании РФС // Новый путь. СПб., 1903. Сентябрь. С. 319.

² Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1990. С. 64.

когда речь заходит о нашей сексуальности. В Аргентине есть история гомосексуализма, но нет истории сексуальности»¹. Как и спорным романом «Анатом», за который Андахазы был поначалу награжден почетной в Аргентине премией Фонда Амалии Лакроче де Фортабат, а затем лишен звания лауреата этой премии под давлением общественности, «Городом еретиков» писатель не собирался оскорблять или задевать вкусы читателей; это был не эпатаж своеобразно рефлексующего писателя, а стремление возвысить высшие ценности человеческого духа, неотделимого от плоти.

«Что есть истина» – вопрос, над решением которого бились герои Андахазы: «Аурелио прикладывал колоссальные усилия, чтобы избавиться от уверенности в чем бы то ни было, потому что полагал, что путь к истине лежит через сомнение. В конце концов дошло до того, что Аурелио отказался от истины в качестве высшего блага, когда подумал о том, что все несправедливости, все убийства и злодеяния совершались как раз таки во имя истины. Отсутствие истины – непреложной догмы – делало возможным существование различных точек зрения» (стр. 326). Герой погибает, будучи распятым на кресте. Поиски истины привели его к обретению высочайшего чувства, к любви к женщине. Это любовь, за которую героев объявили вероотступниками, впусившими демона в свои души, вероятно, и должна символизировать истинное служение христианским догмам, не случайно имя возлюбленной – Кристина.

Безусловно, что ряд идеологем модернистской эстетики был позаимствован Андахазы у русских писателей рубежа XIX–XX вв. В одном из интервью он признался: «Я очень хорошо знаю русскую классическую литературу, кстати, мои дедушка и бабушка по материнской линии были русскими, и я вырос, слушая ваш прекрасный язык. Мои любимые писатели Достоевский, Толстой, Гоголь, Пушкин. Я постоянно читаю и с жаром перечитываю Достоевского. Думаю, что он сумел показать самую темную сторону человеческого существа, при этом читатель открывает для себя самого светлого автора»². Все свои романы Андахазы считает единым корпусом текстов, объединенных идеей открытия чего-то доселе неведомого и чувством тревоги, сопровождающим каждое открытие. Просто если роман сконструирован талантливо, читатель не должен замечать, что каждое новое произведение повторяет предыдущее. И каждое новое должно ставить проблемы и задавать вопросы, определенный ответ на которые не дается. Не потому что ответы размыты, а потому что мир, в котором человек существует, не может быть однозначно определен.

¹ «La historia de la sexualidad de los otomanos me reveló cuestiones esenciales de la cultura musulmana. Entonces busqué en todas las librerías y bibliotecas argentinas, y descubrí con asombro que no existía ninguna historia sexual de los argentinos, a pesar de que tenemos casi un orgullo futbolístico por nuestra sexualidad. Hay una historia de la homosexualidad en la Argentina, pero no hay una historia de la sexualidad. Entonces me pareció que era un libro que faltaba, que si no lo escribía yo, lo iba a escribir otra persona». Una entrevista a Federico Andahazi por Rafael Ojeda.

² <http://www.litblog.ru/konkistador/>

Сведения об авторе:
Ирина Леонидовна Анастасьева,
канд. филол. наук
доцент
факультет иностранных языков и регионоведения
МГУ имени М.В. Ломоносова

Irina Anastasjeva,
Candidate of Philological Sciences
Docent
Faculty of Foreign Languages and Area Studies
Lomonosov Moscow State University